

И.И. Толстой

**Русские древности в
памятниках искусства.
выпуск третий. Древности
времён переселения народов**

Выпуск 3.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.03
ББК 85
И11

И11 **И.И. Толстой**
Русские древности в памятниках искусства. выпуск третий. Древности времён
переселения народов: Выпуск 3. / И.И. Толстой – М.: Книга по Требованию,
2015. – 160 с.

ISBN 978-5-458-17460-2

Древности времён переселения народов. Со 185-ю рисунками в тексте.

ISBN 978-5-458-17460-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

древняго міра наступило время стать типомъ и обычаемъ. Разнообразныя одежды и облаченія персидской знати были самими Персами заимствованы отъ различныхъ народностей, входившихъ въ составъ сасанидскаго царства: таковы шишакъ и кольчуга, кафтанъ и чаги. Византійскій кабадъ велъ свое происхожденіе черезъ Персію отъ варваровъ закаспійскихъ, а расшитыя пестрыми узорами скарамангій былъ, повидимому, славяно-болгарскою мѣховою одеждою. Перешедшіе отъ азіатскихъ варваровъ въ Византію въ древнюю Русь костюмы, предметы уборовъ и быта представляются множествомъ терминовъ, каковы: чаги, чакъ — латы, чуваль — шуба, чуга, чеканъ, чукуфъ, чубъ, чустриі — игры атлетическія (шустрий), чоха — шуба до пятъ, чуканъ — джигитовка.

Прокопій (Anecdota p. 32) замѣчаетъ, что Византійцы перенимали отъ Гунновъ въ эпоху Юстиніана и накидки, и штаны, и обувь, усвоивая и самыя названія костюмовъ и модничая варварскою наружностью. Подъ именемъ *Гунновъ* писатель разумѣетъ сѣверныхъ варваровъ, которыхъ другіе византійцы огуломъ зовутъ *ютами* или даже *скивами*; вообще, пестрая матерія, парчи и всякое шитье продолжаетъ именоваться *фриійскимъ* или *варварскимъ*, ибо для константинопольскаго Грека всѣ эти прикладныя, промышленныя искусства, процвѣтавшія на азіатскихъ окраинахъ византійской Имперіи, не составляютъ собственного искусства, какъ ясно опредѣляетъ Іоаннъ Златоустъ, а только варварскую роскошь. Такъ, Антиохійцы его времени носили расшитую обувь, шубы, крытыя золотыми матеріями, парчевыя одежды, золотые пояса; кони ихъ имѣли золотыя наборныя узды, а слуги шеголяли золотыми гривнами (маніаками).

Въ тѣсномъ смыслѣ, всѣ упреки въ роскоши, столь обильные въ проповѣдяхъ IV—V столѣтій, были протестомъ противъ варварскихъ вкусовъ, укореившихся въ греческомъ обществѣ по образцу нахлынувшихъ въ Имперію варваровъ. Классически образованные проповѣдники не понимали смысла богатыхъ личныхъ и конскихъ уборовъ и справедливо опасались за судьбы самого христіанства подъ вліяніемъ новыхъ нравовъ.

Дѣйствительно, сводя вмѣстѣ данныя археологіи варварскаго быта Европы въ эпоху переселенія народовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, мишурное, пестрое богатство личныхъ украшеній, какого не знаемъ вовсе въ древнемъ германскомъ быту. Цвѣтныя, расшитыя одежды; оружіе, покрытое драгоценными камнями или цвѣтными стеклянными инкрустаціями; большія, особенно длинныя и фигурныя, золотыя или бронзовыя позолоченныя фибулы и броши, браслеты и серьги; на всѣхъ металлическихъ уборахъ — камни, или эмаль, или цвѣтныя стекла; золотой листикъ или позолота покрываютъ тонкую рѣзбу по бронзѣ. Это пышное богатство, тяжелаго вкуса, расточающаго золото на востокъ, поражаетъ въ кладахъ Кавказа, Румыніи и Венгріи, Тарсосу, Аидина въ Малой Азіи, мельчаетъ и бѣднѣетъ въ могилахъ Франковъ и Бургундовъ, Англо-саксовъ и Вестготовъ въ Испаніи и Африкѣ.

Варварскія или народныя древности начальнаго средневѣковья южной Европы, отъ предѣловъ Каспійскаго моря до Франціи, Англіи и Испаніи, связываются въ одно цѣлое общимъ стилемъ, господствующимъ со II-го столѣтія по VII-е включительно. Единство этого стиля открывается, прежде всего, манерою украшать

предметы цвѣтными камнями или стеклянными инкрустаціями, покрывать поля геометрическимъ орнаментомъ, раздѣлывать оконечности звѣринными формами; стиль опредѣлялся техникою металлическихъ вещей — рѣзьбою, филигранью и сканью, и самымъ подборомъ предметовъ, ихъ формою и назначеніемъ.

Мѣстомъ средоточія этого стиля служила южная Россія: именно здѣсь застаемъ мы наиболѣе ранніе, извѣстные намъ образцы и здѣсь-же можемъ мы наблюдать различныя отношенія этого стиля къ искусству античному, восточному и примитивному или собственно варварскому. Связи съ античнымъ искусствомъ ясно наблюдаются на побережьяхъ Крыма и Кавказа; примитивныя формы задержаны глухими ушеліями Кавказскаго хребта; связи съ востокомъ принадлежать берегамъ Волги и Дона. Показанія монетъ или предметовъ измѣнчиваго античнаго вкуса опредѣляютъ до извѣстной степени вѣроятности время происхожденія памятниковъ, хотя, понятно, послѣднее слово о томъ, кто именно были тѣ варвары, которые принесли съ собою этотъ стиль, не можетъ быть теперь сказано.

Эпохъ такъ называемаго переселенія народовъ, ставшаго извѣстнымъ западу въ IV вѣкѣ, предшествовало на востокѣ, въ предѣлахъ европейской и азіатской Россіи, продолжительное и непрерывное движеніе, отмѣченное исторіею лишь въ главныхъ своихъ фазисахъ. До эпохи Рождества Христова это движеніе опредѣляется въ Азіи основаніемъ индо-скиѣскаго царства и царства парѣянскаго; въ Европѣ — смѣною прежняго скиѣскаго населенія южной Россіи сарматскимъ или иранскимъ; передвиженіемъ готѣовъ на среднее теченіе Днѣпра, быстрымъ образованіемъ готѣскаго владычества въ III вѣкѣ по Р. Х., наконецъ, вторженіемъ гунновъ и паденіемъ греческой культуры въ южной Россіи. Исходнымъ пунктомъ движенія варварскихъ племенъ должно считать Среднюю Азію. Средняя Азія была и прародиною этихъ племенъ, и колыбелью ихъ полу-осѣдлой полу-земледѣльческой культуры, и рынкомъ, на которомъ одновременно появлялись металлы и драгоценные камни Сибири, жемчугъ Индіи, шелкъ Китая, ковры, золотыя и серебряныя издѣлія Персіи и образцы античнаго искусства Сиріи и Александріи. Но въ то-же время это были рынки спеціально варварскіе, слаженные по вкусамъ разнообразныхъ племенъ, жившихъ отъ Сибири до границы Персіи. Всѣ извѣстія писателей о народностяхъ, сосредоточенныхъ въ этомъ узлѣ, говорятъ въ пользу относительно высокой культуры мнимыхъ варваровъ. Массагеты имѣли головные уборы, пояса и наручи, узды и сѣдла съ золотыми наборами; Аорсы получали свои товары съ караванами, шедшими изъ Индіи; Парѣяне поражали Римъ своею роскошью, и отъ нихъ именно римскіе вельможи заимствовали обычаемъ украшать жемчугомъ свои башмаки; Аланы и Авары щеголяли золотую посудой и утварью, а любовь къ золоту Гунновъ вошла въ пословицу. Шелковыя одежды и драгоценные камни имѣли въ глазахъ варварскихъ полководцевъ особенно высокую цѣну. Когда готѣ Аларихъ морилъ голодомъ вѣчный Римъ, жители, кромѣ золота, обязались выдать ему 4.000 шелковыхъ хитоновъ; когда Готѣ, преслѣдуемые Гуннами, переправлялись черезъ Дунай, то должны были перевозить съ собою и все свое имущество: у нихъ были и шелковыя одежды, и полотняное бѣлье, и шерстяные цвѣтные ковры. Дворецъ Аттилы, стоявшій въ

большомъ селеніи восточной Венгріи, былъ, по разсказу Приска, великолѣпнѣе другихъ его дворцовъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянной оградой съ башнями. Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ съ рѣзною работою, другіе—изъ тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начиная съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты. Между постройками была большая баня, сложенная изъ камня, издалика привезеннаго. Царскій домъ былъ выше другихъ и поставленъ на возвышеніи. Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣимъ сторонамъ. Въ самой серединѣ находилось ложе Аттилы; нѣсколько ступеней вели къ его постели; она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, подобными тѣмъ, которые были въ употребленіи у римлянъ и эллиновъ для новобрачныхъ. Около сидѣній были разставлены столы на три, четыре и болѣе лицъ. На пирахъ Аттилы подавали отличныя яства на серебряныхъ блюдахъ; только передъ самимъ Аттилою не было ничего кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всемъ прочемъ онъ показывалъ умеренность. Пирующимъ подносили чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая, и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечъ, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, камнями, или чѣмъ-либо драгоценнымъ, какъ водится у другихъ скиѳовъ. Посланникъ, присутствовавшій на подобныхъ пирахъ, передаетъ обряды чествованія гостей у Гунновъ и развлечения, пѣніе былинъ, смѣхотворныя и вздорныя рѣчи юродиваго скиѳа и ломаніе горбуна-грека, коверкавшаго языкъ латинскій съ гунскимъ и готскимъ. Когда Аттила въѣзжалъ въ селеніе, его встрѣчали дѣвы, шедшія рядами, подъ тонкими бѣлыми покрывалами, которыя поддерживали съ обѣихъ сторонъ стоявшія женщины; въ ряду было до семи и болѣе дѣвъ, а такихъ рядовъ было очень много. Эти дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиѳскія пѣсни. Когда, говоритъ Прискъ, Аттила очутился около одного дома, мимо котораго шла дорога къ царскому дворцу, хозяйка вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе—вино: это у скиѳовъ знакъ особаго уваженія. Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями.

Прискъ впущенъ былъ въ домъ супруги Аттилы Креки. Полъ дворца былъ весь устланъ шерстяными коврами; вокругъ царицы, лежавшей на постели, стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу противъ нея, испещряли разными красками полотнянныя покрывала, носимыя варварами по верхъ одежды для красы.

Инстинкты туранскихъ племенъ всегда склонялись къ роскоши, наружному блеску и мишурѣ. Живя номадами въ палаткахъ, туранцы любили украшать обстановку золотыми кубками, серебряными блюдами; ставъ осѣдлыми, они сохранили прежніе вкусы. Неуклюжій и нехудожественный пошибъ, сохранившійся доселѣ въ современномъ Туркестанѣ, въ личныхъ мужскихъ и женскихъ и въ конскихъ уборахъ, есть только мумія того живаго, художественнаго стиля, который, черезъ посредство Готѳовъ, переданъ былъ западной Европѣ, со Скиѳами перешелъ въ Индію, былъ развитъ въ послѣдствіи Арабами и черезъ нихъ переданъ всему мусульманскому міру.

Очевидец Прискъ нашель у Гунновъ оригинальную культуру, своеобразный народный бытъ, привычки къ роскоши. Вся эта культура сложилась не въ Венгрии и даже не въ южной Россіи, но въ глубинѣ восточнаго Туркестана, откуда явился передовою таборъ сплоченной, колоссальной орды. Уже въ I — II вѣкахъ по Р. Х., по китайскимъ источникамъ, политика правителей Китая обратила вниманіе на Гунновъ, кочевавшихъ по восточной границѣ, которымъ, подъ видомъ платы за лошадей, китайцы платили дань шелкомъ. Пока кочевники сохраняли нравы своихъ отцовъ, они были грозю Китая; съ принятіемъ его цивилизаціи или, вѣрнѣе, ея даровъ, воинственные силы Гунновъ слабѣли, и Китай успокоивался. Гуннскіе вожди стали брать въ жены китайскихъ царевенъ, привозившихъ съ собою всю свою обстановку и громадную свиту. Одной изъ царевенъ удалось провезти черезъ всѣ китайскія таможи шелковичныхъ червей, и у Гунновъ явилось производство шелка, настолько усилившееся, что подъ именемъ «Гуннскихъ» завѣсъ, пологовъ и ковровъ уже въ III — IV стол. по Р. Х. стали разумѣть въ Византіи дорогія шелковыя издѣлія, исполнявшіяся по лучшимъ персидскимъ рисункамъ и особенно цѣнившіяся, такъ какъ изъ Китая наиболѣе привозился или сырецъ, или же дешевыя издѣлія. О томъ свидѣлствуетъ, хотя позднѣе, рассказъ византійца Менаандра о посольствѣ изъ Византіи къ Дизавулу, хакану Турковъ въ 568 году (fr. 20): «Путешествіе пословъ было продолжительно. Какъ скоро они прибыли въ страну Согдаитовъ и сошли съ лошадей, то нѣкоторые Турки, видимо, нарочно для того поставленные, предлагали послу Зимарху купить у нихъ желѣза; я думаю, они это дѣлали, чтобы показать Римлянамъ, что въ странѣ ихъ есть желѣзные рудники, ибо обыкновенно говорятъ, что у нихъ трудно достать желѣзо... Нѣкоторые люди изъ этого племени, о которыхъ увѣряли, будто они имѣютъ способность отгонять несчастья, пришедши къ Зимарху, взяли вещи, которыя Римляне везли съ собою, положили ихъ вмѣстѣ, потомъ развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скиѣскомъ языкѣ какія-то варварскія слова и въ тоже время звонили въ колокола и ударяли въ тимпанъ надъ поклажей. Они носили вокругъ ливановую вѣтвь, трещащую отъ огня, приходили въ изступленіе и произносили угрозы, отгоняя, казалось, злыхъ духовъ. Имъ приписывали силу предохранять и освобождать людей отъ зла. Отвративъ, какъ они полагали, всѣ несчастья, они провели самого Зимарха черезъ пламя и этимъ, казалось, и самихъ себя очищали. По совершеніи этихъ обрядовъ, Зимархъ пошелъ вмѣстѣ съ представленными къ нему Турками къ горѣ, называемой Эктай, что въ переводѣ на эллинскій языкъ значитъ золотая гора, гдѣ находился самъ хаганъ. По прибытіи въ одну долину Золотой Горы, гдѣ было пребываніе Дизевула, Зимархъ и его спутники были немедленно призваны къ нему. Хаганъ находился внутри шатра и сидѣлъ на золотомъ сѣдалищѣ о двухъ колесахъ. (Послѣ аудіенціи) они обѣдали и весь тотъ день провели въ пированіи въ томъ самомъ шатрѣ. Онъ былъ сдѣланъ изъ шелковыхъ тканей, искусно испещренныхъ разными красками. Они пили вино, не такое, какое у насъ выжимается изъ винограда. Напитокъ, ими употребляемый, есть какой-то варварскій: земля Турковъ не производитъ виноградныхъ лозъ... На другой день Римляне приведены были въ другую палатку, обитую и испещренную также шелковыми покрывами. Здѣсь стояли и кумиры, различные ви-

домъ. Дизавуль сидѣлъ на ложѣ, которое было все изъ золота. На серединѣ этого помѣщенія были золотые сосуды и кропильницы и бочки, также золотыя... На слѣдующій день они пришли въ другую комнату, гдѣ были деревянные столбы, покрытые золотомъ, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Передъ комнатою на большомъ пространствѣ въ длину были разставлены телѣги, на которыхъ было множество серебра, блюда и корзины, и многія изображенія четвероногихъ, сдѣланныя изъ серебра, ничѣмъ не уступающія тѣмъ, которыя дѣлають у насъ. Въ этомъ состоитъ роскошь турк-скаго князя...»

О могуществѣ и богатствѣ среднеазиатскихъ Турковъ VI вѣка свидѣтельствуетъ и Табари: въ царствованіе Гормизда IV (579—590) верховный царь Турковъ Шаба сдѣлалъ нашествіе на среднеазиатскія владѣнія Сасанидовъ съ 300,000 войска и дошелъ до Герата. Персидскій полководецъ Бахрамъ застрѣлилъ его изъ лука, а сына его, «бывшаго равнымъ отцу», разбилъ, заперъ въ одномъ замкѣ и принудилъ сдаться. «Забралъ онъ и большія сокровища, бывшія въ этомъ замкѣ. Гормизду пришлось послать 250,000 верблюжьихъ тюковъ золота, драгоценныхъ камней, сосудовъ, оружія и прочей утвари». Персидскій разсказъ о томъ-же событіи прибавляетъ сюда золотой тронъ убитаго царя, такую-же корону и ковры.

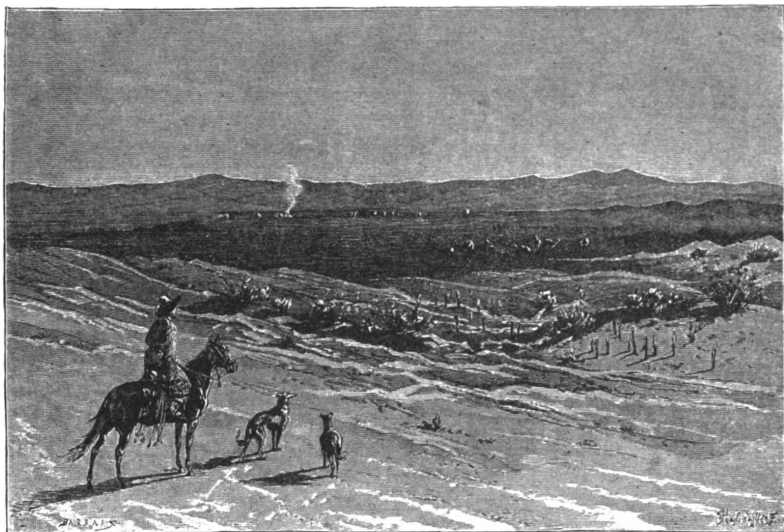
Арабы, овладѣвъ Согдомъ и Самаркандомъ, захватили безчисленную добычу, состоявшую изъ золота, серебра, рабовъ и скота.

Въ 707 году Муфаддалъ овладѣлъ однимъ замкомъ, гдѣ онъ нашелъ огромныя богатства, которыя онъ раздѣлилъ между солдатами, изъ коихъ каждый получилъ по 800 диргемовъ.

Въ 709 году Кутаиба взялъ городъ Паикандъ въ Бухарѣ, наиболѣе близкій къ Джигуну (Аму-Дарѣ), при входѣ въ пустыню, который назывался «городомъ торговцевъ», и «говорятъ, что взятіе Паиканда доставило Кутаибѣ столь большое количество женскихъ уборовъ изъ золота и серебра, что невозможно было вычислить ихъ цѣну... Когда слили вмѣстѣ всѣ золотыя украшенія, то Кутаибѣ показали слитокъ, вѣсившій 150,000 фунтовъ. Количество добычи въ Паикандѣ превосходило всю добычу, взятую во всемъ Хорасанѣ... Въ арсеналѣ Паиканда нашли большое количество оружія... Говорятъ, что между добычей Паиканда находился золотой идолъ, вѣсившій 50,000 фунтовъ, глаза котораго изображались двумя жемчужинами необычайной величины и красоты. Кутаиба, весьма удивленный видомъ этихъ жемчужинъ, спросилъ храмовыхъ стражей, откуда онѣ происходятъ. Тѣ отвѣтили: «однажды въ воздухѣ явились двѣ птицы надъ храмомъ и уронили изъ клювовъ эти жемчужины; затѣмъ онѣ улетѣли...»

Въ 713 году царь города Шомана, осажденный Кутаибой, зарылъ всѣ свои богатства, состоящіе изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней...» При осадѣ Кутаибой Самарканды, Арабы пріобрѣли «богатую добычу, состоявшую въ оружіи, золотыхъ ожерельяхъ и прекрасныхъ лошадяхъ». Самаркандъ сдался съ условіемъ выдать всѣ украшенія, которыя находились въ храмахъ огня. Кутаиба велѣлъ принести идоловъ, всѣ украшенія и сжечь ихъ. Ему дали огня, и онъ сжегъ всѣ эти идолы собственною рукою. Изъ пепла вынули 50,000 фунтовъ слитковъ золота и серебра.

Приведенныхъ разсказовъ достаточно, чтобы представить себѣ процвѣтаніе и богатство варварскихъ племенъ и городовъ Средней Азіи въ эпоху Сасанидовъ.

2. Пустыня Кизиль-Кумъ.

Имя Гунновъ, какъ имя Готтовъ, имѣетъ для V-го столѣтія и въ устахъ византійца. значеніе собирательное: не даромъ Прискъ замѣняетъ эти имена названіемъ Скивовъ. Въ лагерѣ Аттилы собрались всевозможныя варварскія племена, и, между тѣмъ, въ ихъ быту наблюдается какая-то общность, которую смутно сознають даже древніе. Эта общность выступаетъ съ поразительною ясностью въ археологіи варварской Европы. Всѣмъ извѣстно, и большинство продолжаетъ донинѣ удивляться, что на пространствѣ отъ Дона до Франціи встрѣчаются въ древностяхъ этой эпохи все одни и тѣже типы, однѣ формы, одинъ стиль и даже одна и таже техника. Объяснять это господство одной культуры и одного стиля въ столь отдаленныхъ и разъединенныхъ мѣстностяхъ «римскимъ» вліяніемъ стало невозможно съ того времени, какъ центромъ культуры пересталъ быть Рейнъ, и стали извѣстны хотя въ общихъ чертахъ древности Венгріи и южной Россіи. Римскимъ вліяніемъ, будто-бы передвигавшимся постепенно вѣстѣ съ римскими когортами на сѣверъ, думали объяснить рѣзкую перемену въ древностяхъ сѣверной Европы, совершившуюся въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. Правда, эта перемена, на первый взглядъ, замѣчается въ появленіи въ Скандинавіи римскихъ бронзъ, сосудовъ и статуэтокъ, стекла, монетъ. Однако, отдѣлка бронзовыхъ предметовъ накладными тиснеными листами серебра, орнаментация ихъ на

подобіе филиграни, жемчуга, а главное, появленіе *звѣринаго* стиля въ орнаментикѣ не могло быть объясняемо римскимъ вліяніемъ. Происхожденіе этого стиля стали приписывать пробужденію національнаго генія въ искусствѣ, и потому принимали за исходные пункты или центры образованія этого стиля то прирейніскія провинціи Римской Имперіи, то Скандинавію вообще, въ частности Данію или Швецію, то наконецъ Британію или Ирландію. Къ поверхностнымъ и одностороннимъ наблюденіямъ примѣшались патріотическія увлеченія, непозволявшія опознаться въ массѣ открывшагося сыраго матеріала. Роль этой орнаментики, проникнувшей глубоко въ народные вкусы средневѣковой Европы и образовавшей основы такъ называемаго романскаго стиля, открывалась и въ общей исторіи европейскаго искусства. Поэтому теоріи, подобныя напр. *меровинскому стилю* или *ирландскому орнаменту*, получали руководящее значеніе даже и въ вопросахъ древне-христіанскаго и византійскаго искусства, гдѣ, казалось-бы, варвары не играли роли, а напротивъ, верховенство Рима и Византіи устанавливалось самою исторіею и древностями.

Появленіе этихъ теорій совпало съ кореннымъ поворотомъ въ общемъ пониманіи варварскихъ древностей: отнынѣ было признано, что переселеніе народовъ было не однимъ только политическимъ внѣшнимъ событіемъ: народы эти принесли съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни. Но тѣмъ страннѣе было это единство, тождество культуры. Приходилось признать малопонятное руководство одного племени другимъ, но безъ мастерскихъ и фабрикъ, безъ торговли и промышленности, безъ ввоза и вывоза. Когда источники даннаго стиля искали на самомъ краю Европы, у Англосаксовъ, то пытались объяснить это, во-первыхъ, оригинальною мѣстною склонностію къ звѣриному орнаменту, во-вторыхъ, слабымъ распространеніемъ римской культуры и позднимъ введеніемъ христіанства. Однако, эта мѣстная любовь къ звѣриному стилю должна была основываться сама, прежде всего, на извѣстной къ нему привычкѣ: надо было, чтобы этотъ стиль былъ принесенъ въ Британію, если онъ тамъ не родился. Отсюда, попытки объяснить происхожденіе этого стиля естественнымъ или органическимъ путемъ, а не заносомъ извнѣ: предполагали, что мастера сначала придавали предмету или его части полный видъ животнаго или птицы, затѣмъ, идя путемъ схематизаціи, сокращали, отнимали ноги, торсъ, оставляли только голову, наконецъ одинъ только глазъ и т. д.

Но такого рода схематизація возможна только тогда, когда она имѣетъ дѣло съ готовымъ, развитымъ орнаментомъ, и стало быть, всѣ теоретическія соображенія требовали указать, кому принадлежитъ первоначальный развитой, не тронутый схемою звѣринный орнаментъ. Между тѣмъ, во всѣхъ странахъ варварской Европы наблюдался только процессъ искаженія и уничтоженія: вмѣсто звѣрей, только ихъ головы—орнаментъ представлялъ систему головъ. Такъ, эту систему содержать древности Франковъ, Алеманновъ, Бургундовъ, Лонгобардовъ: орнаментика представляетъ только птичью фигуру, образъ животнаго, длиннотою напоминающій змѣю или, скорѣе, ремень, плетеніе съ головою на концѣ. Единственное отличіе отъ древностей англосаксонскихъ была въ томъ, что здѣсь чаще всего встрѣчалась птичья голова.

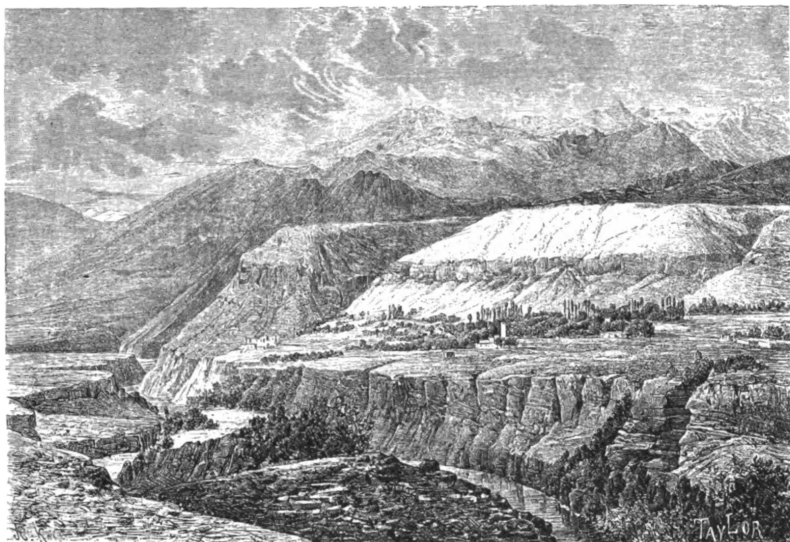
Сходство древностей западнаго континента по основному приему заставляет видѣть въ нихъ одну группу. Эту группу стали считать, въ свою очередь, производною и родиною ея стиля принимать Скандинавію, гдѣ будто-бы этотъ стиль сложился декоративнымъ путемъ. Правда, и здѣсь нельзя было, въ виду множества памятниковъ въ земляхъ придунайскихъ, ограничивать одною Даніею и Швеціею предполагаемую родину: для нея брали всю восточную окраину Римской Имперіи, отъ Даніи до устьевъ Дуная и Чернаго моря; съ этой границы стиль, перейдя вмѣстѣ съ народами въ собственную Германію, будто-бы развился окончательно на Рейнѣ.

Послѣднее построеніе исторіи звѣринаго стиля прикасается уже одною стороною къ дѣйствительности: теорія уже не принуждаетъ закрывать глазъ на древности Венгріи, южной Россіи и Кавказа и, видимо, готова признать за ними первенство. Эта теорія только въ хвостѣ своихъ выводовъ и заключеній пытается удерживать первенство за Скандинавіею: извѣстно, что восточнымъ пограничнымъ съ Германіею племенемъ были Готы, отъ Вислы протянувшіеся до Чернаго моря и подѣлившіеся на западныхъ и восточныхъ—Греитунговъ и Тервинговъ; извѣстно также, согласно легендѣ Иорданиса, что Готы пришли къ Черному морю, двигаясь съ сѣвера изъ Скандіи, этого «завода для выдѣлки народовъ». Такимъ оборотомъ вопроса разомъ ставилось натуральное происхожденіе стиля, и удерживалось скандинавское его изобрѣтеніе.

Послѣдующимъ изложеніемъ будетъ показано, что всѣ перечисленныя теоріи и взгляды не имѣютъ въ настоящее время никакого оправданія въ памятникахъ и должны уступить мѣсто историческому, сравнительному изученію варварскихъ древностей, начиная съ ихъ источниковъ въ искусствѣ востока и греко-римскомъ, и идя по пути самихъ народовъ изъ глубины Азіи черезъ южную Россію и по теченію Дуная до краевъ Европы.

Это сравнительное изученіе должно опредѣлить роль каждой стадіи или стоянки новаго искусства на пути его перехода изъ Азіи въ Европу. Мы не знаемъ въ настоящее время прародины племенъ, какъ не находимъ и азіатской родины этого стиля, но условное предположеніе ея средоточія въ обширныхъ областяхъ Средней Азіи можетъ быть подтверждено множествомъ косвенныхъ доказательствъ. Древности Сибири оказываются, черезъ посредство Средней Азіи, въ тѣсномъ родствѣ съ искусствомъ сѣверной Индіи и сѣвернаго Кавказа. Первая стоянка новаго стиля открывается на берегахъ Дона, слѣдующая по теченію Дуная, а затѣмъ уже наблюдается быстрое распространеніе его по Рейну. Развитие того-же стиля и его продолжительное существованіе въ Скандинавіи и Британіи легко объясняется тѣмъ, что эти страны въ данную эпоху являлись своего рода «медвѣжьими углами» Европы, гдѣ всякая манера задерживалась, безъ стѣсненій и перемѣнъ, надолго и проходила все развитіе до крайнихъ предѣловъ.

Разборъ памятниковъ убѣждаетъ, что ходъ варварскаго искусства можетъ быть прослѣженъ, сообразно съ путями переселенія народовъ, въ послѣдовательности времени, при чемъ востокъ выступаетъ ранѣе запада, югъ прежде сѣвера, Средняя Азія прежде Сибири, Кавказъ прежде береговъ Дона, теченіе Днѣпра ранѣе Вислы и Дунай прежде Рейна.

3. Долина р. Заравшана.

Всѣ свѣдѣнія о Средней Азійи, сообщаемыя историками Александра Македонскаго, ограничиваются географіею страны. Мы получаемъ лишь косвеннымъ путемъ понятіе о ея жителяхъ, благодаря сходству въ частностяхъ и общей картинѣ съ современнымъ положеніемъ: тѣ-же отношенія горожанъ къ сосѣднимъ кочевникамъ; тѣ-же набѣги, покорность и постоянныя возстанія, въ зависимости отъ присутствія войска, жестокое усмиреніе мятежей; та-же необходимость въ содержаніи гарнизоновъ по кремлямъ городовъ и сооруженіи цѣлыхъ укрѣпленій и лагерей изъ глины, высушенной на солнцѣ.

Походы Александра Македонскаго на дальній востокъ дали Грекамъ удобный случай повторить о его странахъ много диковинныхъ разсказовъ.

Начиная съ запада, по направленію похода, писатели указываютъ обширную область Гирканію, лежащую слѣва отъ пути, ведущаго въ Бактры (изъ Персіи), и отдѣленную съ юга высокими и лѣсистыми горами, а на сѣверѣ простирающуюся до Каспійскаго моря. Страна эта покрыта тѣнистыми высокими лѣсами и орошена всюду горными ручьями.

Подробнѣе говоритъ о плодородіи Гирканіи Діодоръ: «войдя въ Гирканію, Александръ достигъ деревень, называемыхъ богатыми, да и въ дѣйствительности таковыхъ. Вѣдь страна эта своими плодами далеко превосходитъ плоды другихъ

странъ. Такъ, говорятъ, что каждая виноградная лоза приноситъ метреть (около 40 литровъ) вина, а изъ смоковницъ иныя деревья даютъ по 10 медимновъ сушеныхъ винныхъ ягодъ; зерна, оставляемая при жатвѣ, падая на землю, вырастаютъ не сѣянными и, наконецъ, приносятъ обильный урожай» (XVII, 75). Александръ сталъ здѣсь лагеремъ близъ города, называемаго «Стовратнымъ», на нѣсколько дней, такъ какъ городъ этотъ былъ богатъ и заключалъ въ себѣ изобиліе всего съдобнаго. Отсюда на протяженіи 20 стадій царь шелъ почти по непроходимой тропинкѣ, надъ которой возвышался лѣсъ. Въ 30 стадіяхъ дальше лежалъ городъ Арвасъ.

Часть горъ населяло племя Тапуровъ, давшее имя свое и горамъ (Арріанъ III, 23, I; Курцій VI, 4, 25). «Городъ Гирканіи, въ которомъ былъ дворецъ Дарія», упоминаемый Курціемъ (VI, 5, 22), очевидно, тотъ-же, что и «величайшій городъ Гирканіи, Задракарта, гдѣ у Гирканцевъ былъ дворецъ», о которомъ упоминаетъ и Арріанъ (III, 23, 25), и Страбонъ подъ именемъ Карты (XI, 7, 2). «Сосѣднимъ съ Гирканіей былъ народъ Марды, суровый по образу жизни и привыкшій къ разбоямъ» (Курцій VI, 5, 11); «не было никого (кромѣ Александра), кто бы вторгнулся войною въ ихъ землю, вслѣдствіе неудобства страны (для

4. Серебряная монета Сасанидскаго царя Ардешира I. (226 — 240 г. по Р. X.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об.— алтарь огня.

похода) и потому, что Марды были бѣдны и воинственны вслѣдствіе бѣдности; большинство ихъ бѣжало въ горы, которыя въ ихъ странѣ очень высоки и обрывисты» (Арріанъ III, 24, 2—3). «Пройдя приморскія земли Гирканіи, Александръ вступилъ въ землю Мардовъ и опустошалъ страну ихъ пожарами» (Діодоръ, XVII, 76). «Они бросили ближайшія (къ границѣ) деревни; а во внутренности страны войско Александра могло войти не безъ великихъ трудовъ. Страну защищаютъ хребты горъ, лѣса и утесы. Путь же по ровному мѣсту варвары преградили новымъ видомъ укрѣпленія: здѣсь густо насажены деревья и вѣтки ихъ, покуда еще нѣжны, нагибаются вновь и садятся въ землю; отъ другаго корня вѣтки снова пускаютъ побѣги. Но имъ не даютъ расти, срѣзываютъ и переплетаютъ другъ съ другомъ; чаща покрывается густою зеленью и скрываетъ землю. Эти чащи вполне преграждаютъ путь. Былъ одинъ только способъ — открыть узкій проходъ, вырубая деревья, но и это было сопряжено съ

5. Серебряная монета Сасанидскаго царя Сапора I (240 — 271 г. по Р. X.). На лиц. ст. изображеніе царя; на об.— алтарь огня, охраняемый двумя жрецами.

большимъ трудомъ, такъ какъ частые узлы дѣлаютъ стволы крѣпкими, а вѣтки, переплетшіяся между собою, дѣлаютъ тщетными удары, благодаря гибкости прутьевъ. Жители, привыкшіе, подобно звѣрямъ, ползать подъ этими вѣтками, поражали изъ лѣсу врага, бросая копья изъ засады» (Курцій, VI, 5, 13—17). Александръ принужденъ былъ поворотить на югъ и подняться изъ Средней Азіи на Иранское плоскогоріе, откуда уже вторично войти въ Среднюю Азію долиной